

ГРАММАТИКА МНОЖЕСТВА ПАОЛО ВИРНО: К ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ПОСТФОРДИЗМА

Татьяна Чижова¹

Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм
современной жизни.*

Перев. с ит. А.Г. Петровой под ред. А. Пензина.
Москва: Ад Маргинем Пресс, 2013.

Имя Паоло Вирно стало известно русскоязычному читателю не так давно. Если нашумевшая в левом интеллектуальном сообществе книга Антонио Негри и Майкла Хардта *Империя* была переведена на русский уже в 2004 году, то имя Паоло Вирно, благодаря небольшой статье Алексея Пензина о новых социальных субъектах², впервые на постсоветском пространстве прозвучало около семи лет тому, первые переводы его отдельных статей появились пару лет тому, а перевод книги (изданной в 2001) вышел лишь сейчас. А ведь и Негри с Хардтом, и Вирно принадлежат к одной и той же традиции «постопераизма» («автономного марксизма»), среди представителей которой можно также назвать немецкого активиста, историка, социолога и врача Карла-Хайнца Рота³, ещё одного итальянского «автономного марксиста» Франко «Бифо» Берарди⁴, Марио Тронти⁵, а также ряд других авторов, чьи имена мало известны постсоветским интеллектуалам, в том числе причисляющим себя к левыми.

Операизм (ит. *operaismo* – дословно переводится как «рабочизм», хотя дословный перевод до конца не передаёт смысл самого этого понятия) – левое движение, возникшее в Италии в 1960-е на волне кризиса традиционных европейских компартий и профсоюзов, разочарования молодых европейских левых в советском образце строительства социализма

¹ Татьяна Чижова – научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь).

² Пензин А. Новые социальные субъекты: версия Паоло Вирно // *Прогнозис*. 2006. № 3. С. 145–165. [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.alternativy.ru/ru/node/726>.

³ Переводы его текстов можно найти в интернете по адресу: <http://revsoc.org/archives/1771>.

⁴ Berardi F. *The Soul at Work: From Alienation to Autonomy* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://libcom.org/files/Franco%20Bifo%20Berardi%20-%20The%20Soul%20at%20Work%20From%20Alienation%20to%20Autonomy.pdf>.

⁵ Tronti M. Our operaismo // *New Left Review*. 2012. Jan.-Feb. № 73. [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://libcom.org/library/our-operaismo-mario-tronti>.

(такого рода разочарование особенно остро проявилось в 1956 году, после введения советских войск в Венгрию).⁶ Первоначально операистские группы объединялись вокруг журнала под названием *Quaderni rossi* («Красные тетради»). В противовес классической марксистской концепции преодоления отчуждённого труда путём революции и его превращения в освобождённый труд, операисты выдвигали тезис о том, что в индустриальном обществе, где производство организовано по принципу конвейера («фордизм»), труд свободным быть не может. Поэтому путём забастовок, саботажа, порчи имущества и прочих форм отказа от работы необходимо вынудить капитализм совершенствовать технологии, совершать переход от индустриального общества к обществу информационных технологий.

Во второй половине 1970-х это весьма неоднородное движение, пережив ряд расколов, трансформируется в *постопераизм*, или *автономизм*⁷, где возникают две основные тенденции – «автономные марксисты» и автономные группы либертарного анархистского толка. Собственно, Паоло Вирно, как и Антонио Негри, относит себя к первой.

Книга *Грамматика множества* представляет собой публикацию доклада Вирно на семинаре, который проходил в 2001 году на факультете социологии Университета Калабрии (с. 5), поэтому структурно издание делится не на главы, а на «дни», включая в себя предисловие, четыре дня семинара и послесловие редактора Алексея Пензина. Актуальность поставленных в книге вопросов не вызовет сомнения у читателя, который хотя бы минимально погружён в контекст современной левой теории и насущных проблем левого движения в целом.

В первую очередь, это *вопрос о понятии «рабочего класса»*, представлять который уже со второй половины XX века не может лишь класс индустриальных рабочих. Развитие сферы услуг и торговли, интеллектуализация труда, массовый вывод производств из «первого» мира в «третий» поставили под вопрос наличие собственно пролетариата в классическом смысле слова в странах развитого Запада. Сегодня в среде левых интеллектуалов и левых активистов ведутся ожесточённые споры о том, кого на данный момент можно считать эксплуатируемыми: только ли китайских сборщиков айфонов и бангладешских ткачей и прочих представителей развивающихся стран, на эксплуатации труда которых крупные корпорации наживают свои сверхприбыли? Или же сюда можно включить работников и работниц европейских гипермаркетов, гостиничную прислугу, уборщиков, подённых работников? В таком случае, следует ли сюда добавить работников бюджетной сферы? Дизайнеров, программистов? Ведь все они продают свой труд, хотя условия этого труда и плата за него существенно отличаются в зависимости от сферы и от страны.

⁶ Ibid.

⁷ Tronti, op. cit.

В книге также поднимается связанный с первым *второй во-прос* о субъекте политического действия в условиях современного капитализма и о способе его организации, что сегодня также является предметом многочисленных дебатов и обсуждений среди левых критиков капитализма: следует ли оставаться на позициях борьбы за интересы «класса эксплуатируемых» или же необходимо включить в повестку дня «другие угнетённые группы» (по признаку пола, расы, сексуальной ориентации и пр.); по какому принципу должно осуществляться внутреннее взаимодействие в новом движении – традиционная партийная «иерархия» или «горизонтально-сетевой» принцип организации, или их возможные сочетания? В *третьих*, автор совершает попытку ответить на извечный вопрос: «Что делать?» – Какой должна быть стратегия глобальных общественных изменений?

Таким образом, на мой взгляд, в книге идёт речь о трёх ключевых проблемах (хотя явно они автором не формулируются): кто является новым субъектом социальных и политических преобразований; каким образом организован данный субъект; какова стратегия его действий?

Содержание книги вращается вокруг нескольких базовых концептов, в раскрытии которых осуществляется попытка ответить на обозначенные выше три вопроса. Эти понятия – Множество, постфордизм, позаимствованная у Ханны Арендт триада «Труд–Интеллект–Действие», *General Intellect*, Исход. Помимо них Вирно вводит ещё ряд второстепенных понятий: страх/тревога, виртуозность, партитура, биополитика, оппортунизм и цинизм, болтовня и любопытство. Мы остановимся лишь на тех, которые полагаем в качестве базовых.

Понятие «**множество**» (лат. *multitudo*, англ. *multitude*) уже относительно прочно вошло в обиход русскоязычной интеллектуальной публики благодаря знакомству с переводами книг Негри и Хардта *Империя* (2004) и *Множество* (2006). Оно отсылает нас к *Политическому трактату* Спинозы и политической философии Гоббса. Если первый описывает «множество» как источник гражданских свобод, «мощь народа»⁸, определяющая «право государства», то второй, как замечает сам Вирно, «множество просто терпеть не может» (с. 10). Состояние войны всех против всех, так называемое «естественное состояние», – это и есть разнородное «множество», противопоставляемое Гоббсом «народу» (*populus*) – единому организму, который возникает при условии существования Государства-Левиафана. (Что характерно, на русский язык *multitudo* Спинозы переводится как «народ», Гоббса – как «масса», «толпа», соответственно получая различную смысловую и ценностную нагрузку.)

Что же так привлекло итальянских авторов в полузабытом термине, позаимствованном из двух противоположных по духу поли-

⁸ Спиноза. *Политический трактат. Избранные произведения*. Т. 2. М., 1957. С. 188.

тических философий Нового времени? Следуя Спинозовской «позитивной» трактовке данного слова и Гобсовому противопоставлению разнородного, дифференцированного «множества» и монолитного «народа», постопераисты заново вводят его в оборот политической философии. Данный термин, не обладая жёстко заданной в философской традиции смысловой нагрузкой, в этой своей «рыхлости» и непредзаданности весьма удобен для того, чтобы нагрузить его дополнительным смыслом и с его помощью описать феномен из абсолютно новой, по мнению Вирно (и А. Негри), социальной реальности.

С одной стороны, «множество» (как многообразная целостность, не сводимая к единому знаменателю) противопоставляется «народу» (понятие, отсылающее нас к единству нации-государства) – предлагается полностью исключить из лексикона второе взамен на первое как более адекватное марксистским представлениям о «народе» и в целом нашему времени. С другой стороны, оно используется для пересмотра такого ключевого понятия классического марксизма, как «рабочий класс». Не отбрасывая полностью понятие «рабочего класса», автор совершает попытку отказаться от его узкого значения, отсылающего нас к опыту индустриальной эпохи до второй половины XX века, к представлениям классического марксизма о пролетариате как о промышленных рабочих, а точнее, используя авторскую терминологию, – к эпохе «фордизма».

В связи с этим свои дальнейшие рассуждения Вирно строит на основании т. н. «*постфордистского*» подхода, согласно которому в новейшей истории можно выделить два основных этапа способа производства, организации труда, социальной политики и политики в целом: «фордизм» и «постфордизм». Для первого характерны массовое конвейерное производство стандартизированных товаров, трудовая фабричная дисциплина, сильная дифференциация труда и в связи с этим превалирование примитивного, не требующего особой квалификации труда, полная занятость, чёткое разделение между рабочим и нерабочим временем, стимулирование внутреннего потребления, *welfare-state* и т. п.⁹ Одним словом, конвейерная дисциплина на производстве плюс кейнсианство в экономике и политике. В эпоху постфордизма в силу ряда причин, среди которых невиданное развитие технологий, изменение структуры спроса (вместо типовых товаров всё более востребованными становятся «нестандартные» товары и разнообразные услуги), сам труд, по мнению Вирно, изменяет свой характер, становясь всё более «гибким», требующим других навыков, вовлекающим интеллект, языковые способности, аффекты и прочие существенные свойства «множества». В связи с этим у Вирно фигурирует не понятие рабочий класс, а Множество – «основная категория политической мысли, и здесь мы пользуемся ею для объяснения неко-

⁹ Шевчук А.В. *Постфордистские концепции (критический анализ)*. Казань, 2000. С. 14–20. [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/19198507/>

торых определяющих черт, присущих постфордистскому способу производства» (с. 48). Данная категория призвана объединить под знаком класса эксплуатируемых всех наёмных работников – «физического» и «умственного» труда, производственной и непроизводственной сферы.

Источником единства Множества служат «общие места разума, общие лингвистическо-познавательные способности» (с. 40), или *General Intellect*, – ещё одно понятие из историко-философского наследия (на этот раз – из *Критики политической экономии*) (черновой набросок 1857–1858) Маркса), так же как и *multitudo*, не раскрытое в оригинальном тексте и оттого не слишком нагруженное каким-либо изначальным смыслом. Для его пояснения Вирно апеллирует к ещё более древним источникам, отсылая читателя к термину «общие места» (*topoi koinoi*) из *Риторики* Аристотеля (с. 29). Таким образом:

«единство, которое находится за спиной множества, создано “общими местами” разума, общими лингвистическо-познавательными способностями нашего вида, с помощью *General Intellect*» (с. 40).

В ситуации перемен данные «общие места» в речи, по словам автора *Грамматики множества*, «выходят наружу» и дают нам «критерии ориентации» там, где «традиционные сообщества разрушаются и где наблюдается незащищённость от мира в его тотальности» (с. 30–31). Такое пояснение, на мой взгляд, скорее затемняет, чем проясняет позаимствованный из одного места в *Grundrisse* Маркса термин. Привлечение же автором аргументов, касающихся «разрушения традиционных обществ» (не совсем понятно, какие именно традиционные общества имеются в виду), и вовсе уводит нас в сторону от концепта «общего интеллекта». В дальнейшем, помимо общих указаний на то, что *General Intellect* – это некие общие коммуникативно-познавательные способности Множества, в книге не приводится подробного раскрытия термина с отсылкой к социальному феномену, который он призван описывать, к примерам проявлений «общественного интеллекта» в современном мире. А ведь, как и Множество, *General Intellect* – это базовое понятие политической философии Вирно, описываемое им одновременно как основная производительная сила современности и как основа для нового политического действия, для самоорганизации субъекта – Множества. Попытку дать такую отсылку сделали его коллеги:

«Мы сможем лучше понять отношения между общественным производством и биовластью ... используя такие термины, как “интеллектуальная сила масс”, “аматериальный труд”, а также марксистскую концепцию “всеобщего интеллекта”. ... Ведущая роль в создании прибавочной стоимости, прежде принадлежавшая труду работников массового фабричного производства, во всё большей мере переходит к

работникам аматериального труда, занятым в сфере производства и передачи информации»¹⁰.

Таким образом, если попытаться подытожить, под «общим интеллектом» можно понимать абстрактное выражение всей совокупности коллективных способностей и компетенций человечества на определённом историческом этапе. В условиях капиталистического производства они подчинены интересам извлечения прибыли, а поэтому отчуждены от непосредственных владельцев и в овеществлённом виде принимают форму различных товаров и услуг. Для обратного присвоения всего богатства знаний, технологий, коммуникаций, по версии Вирно, необходимо совершить важный шаг – от «альянса» *Интеллекта и Труда* перейти к «новому альянсу» *Интеллекта и политического Действия* (с. 81). (Здесь возникают очередные заимствованные категории – на этот раз вполне разработанные: их использует и даёт им своё толкование Ханна Арендт в книге *Vita activa, или О жизни деятельной*.) Интеллект, проявляющий себя в капиталистическом мире лишь в наёмном труде и таким образом противопоставленный себе самому, необходимо каким-то образом вывести в сферу *публичного* (то есть «политического»), как его понимает, в том числе, Арендт, в сферу Действия. В качестве стратегии, позволяющей произвести этот «скачок», автор *Грамматики множества* предлагает концепции «гражданского неповиновения» и «исхода»:

«Как можно вообразить себе политическое действие, базирующееся на *General Intellect*? По этой земле нужно ступать очень осторожно. Всё, что можно сделать, – это указать на *логическую форму* чего-то, чему недостаёт основательного эмпирического опыта. Предлагаю два ключевых слова: гражданское неповиновение и исход» (с. 82).

К сожалению, как и в случае с рядом предыдущих терминов, эти два объясняются здесь крайне лаконично, буквально на одной-двух страницах. Под «гражданским неповиновением» подразумеваются, по-видимому, вовсе не практики разного рода ненасильственного сопротивления, забастовок и пр. Можно предположить, что предлагается некий глобальный отказ Множества от Государства и его институтов – в предельно абстрактном виде постулируется необходимость выхода из игры по правилам, предзаданным существующим законодательством, негласными внутренними установлениями и т. п.: «радикальное неповиновение, о котором мы говорим, ставит под вопрос ту самую способность к приказу со стороны Государства» (с. 82). Собственно, здесь мы переходим к концепту «исхода». Для его пояснения автор обращается к схеме социолога и экономиста Альберта Хиршмана из его книги *Выход, голос и верность*¹¹,

¹⁰ Хардт М., Негри А. *Империя*. М.: Праксис, 2004. С. 40–41.

¹¹ Хиршман А.О. *Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств*. М.: Новое изд-во, 2009.

согласно которой возможны три стратегии коллективного поведения в ответ на ухудшение качества товара, бренда (или же услуги, государственного института): протест, лояльность или отказ (*exit*).

Как и в случае с радикальным (гражданским) неповиновением, автор весьма скупо проясняет своё понимание «исхода». С одной стороны, Вирно противопоставляет его протесту, называя исход скорее «дезертирством», и в качестве примера в очередной раз приводит заимствованную у Маркса историю «о массовом бегстве от заводского распорядка, реализованном американскими рабочими в середине XIX века: продвигаясь всё дальше к “фронтиру” для колонизации дешёвых земель, они воспользовались возможностью радикально изменить своё исходное положение» (с. 85), а также отказ итальянской молодёжи в конце 1970-х от постоянной занятости на больших предприятиях в пользу временной и частичной занятости¹².

Гораздо более полно данный термин раскрыт в статье А. Пензина *Исход*, в которой подчёркивается связь данного концепта с терминологией Ж. Делёза и Ф. Гваттари («номадизм», детерриториализация», «линии бегства») и осуществляется попытка более чётко эксплицитовать значение данного слова:

«Коллективный разум, становясь ведущей производительной силой, основанной на коммуникации, разделяемых идеях, образах и аффектах, нуждается в чёткой политической артикуляции. Паоло Вирно понимает исход как становление альтернативной публичной сферы политического и культурного выражения множеств, автономной от государственного администрирования и контроля со стороны капитала. Это одновременно и жест отторжения от прежней системы, и учреждение нового сообщества республики (альтернативной публичной сферы). Отказ выражается в заново осмысленном гражданском неповиновении»¹³.

Насколько же удалось автору разрешить три проблемы, обозначенные мной в самом начале как ключевые для данного текста: описание современного рабочего класса и выделение нового субъ-

¹² В качестве примера можно назвать феномен «фритеров» (яп. *furitā*) в современной Японии – многомиллионной массы молодёжи, по собственной инициативе или в силу обстоятельств не встроившейся в корпоративную систему пожизненного найма по японскому образцу. Фритеры, не имея стабильной занятости, не входят в профсоюзы, не платят взносы в пенсионные фонды, как правило, не заводят детей и, в отличие от своих более «успешных» сверстников, обладают массой свободного времени. В современной Японии они, с одной стороны, выступают в роли армии низкоквалифицированных работников, в отношении которых работодатель фактически не имеет никаких обязательств, с другой – рассматриваются в качестве угрозы корпоративной культуре, общественному укладу и демографической ситуации в «стареющей» Японии.

¹³ Пензин А. Исход // *Невозможное сообщество. Глоссарий*. М., 2012. [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://issuu.com/quietmars/docs/glossariy/1>.

екта социальных преобразований (концепт Множества), определение способа его внутренней организации (Множество и *General Intellect*), раскрытие его стратегии действий (исход)? На мой взгляд, эта попытка оказалась не слишком удачной в силу чрезвычайной приверженности автора использованию терминов в предельно абстрактном значении, а также некоторой произвольности в их выборе и трактовке. «Практическая философия» и такого рода «схολастический» подход, а точнее – интеллектуальное путешествие от категории к категории без чётких дефиниций и конкретизации вводимых терминов, представляются мне несовместимыми. В итоге мы имеем достаточно остроумную, но абсолютно метафизическую модель, образованную из сложного сочетания политической платформы (пост)операизма, концепции постфордизма, феноменологии Ханны Арендт, ряда отсылок к Мартину Хайдеггеру, – всё это вместе разбавлено понятием *General Intellect*, позаимствованным из одного небольшого фрагмента у Маркса. При этом значение трёх ключевых понятий: Множество, *General Intellect* и исход – читатель вынужден домысливать самостоятельно.

С одной стороны, попытка предельно расширить понятие «рабочего класса», вывести его за рамки узкого значения рабочих промышленности – это продиктованная современными реалиями необходимость. Однако большой минус «субъекта-множества» заключается в том, что он слишком размыт, его дифференцированность в единстве лишь постулируется. Неясным остаётся, чего он хочет и может хотеть, в чём заключается его «классовый» интерес (если таковой имеется)? Если такого единого интереса не существует, то можем ли мы говорить о нём как о едином субъекте? Или, может быть, у него есть некие первичные, объединяющие, интересы и вторичные, подчёркивающие внутренние различия? На все эти вопросы автор не даёт ответа.

Не так всё однозначно и с самой концепцией постфордизма, которая неоднократно подвергалась критике за свой дуализм, «изобилие упрощённых бинарных противопоставлений (фордизм – постфордизм, массовое производство – гибкая специализация и т. п.)»¹⁴. К тому же сама по себе она весьма неоднородна, в её рамках имеется несколько подходов, различным образом интерпретирующих трансформацию труда. Постфордисты – сторонники теории регуляции – напоминают нам о неравномерном мировом развитии и отличиях в сфере труда в различных регионах:

«Концепция гибкой специализации и неошумпетерианцы в целом рисуют “розовую” картину будущего в отличие от теории регуляции... Указывается также на дуалистичность рынка рабочей силы, ведущей к тому, что квалифицированная работа выполняется рабочими из ядра, тогда как неквалифицированная тейлористская работа остаётся на периферии, ядро характеризует гибкая система, тогда как на периферии

¹⁴ Шевчук, указ. соч., с. 47.

интенсифицируется фордизм, работниками ядра в основном являются мужчины, тогда как женщины находятся на периферии»¹⁵.

В самом деле, в нарисованной Вирно картине «интеллектуализации» труда обнаруживается чрезмерная заикленность на состоянии дел в так называемом «первом мире» с его информатизацией, деиндустриализацией, развитием сектора торговли и услуг. В то время как в странах периферии за счёт невиданной эксплуатации массового неквалифицированного труда (вспомним недавний случай гибели более тысячи работников и работников на швейной фабрике в Бангладеш) ежедневно производится огромное количество товаров для потребителей «развитого мира». Так что, вероятно, следует прислушаться не к неошумпетерианскому, а к марксистскому течению постфордизма (теории регуляции), предлагающему дальнейшую интенсификацию фордизма на «периферии». И если на данный момент Китай более уже не является символом рынка дешёвой рабочей силы, то его место заняли Бангладеш, Вьетнам, Камбоджа и Индонезия, а следующим в очереди, вероятно, стоит африканский континент.

Самым же идеалистическим и утопическим моментом в книге выглядит попытка ответа на вопрос «что делать?». Пусть «исход» как ответ на данный вопрос – это лишь самый общий план, «набросок», как подчёркивает автор, тем не менее он уже кажется слишком слабым и уязвимым в роли пусть даже самой общей попытки помыслить невозможное, выйдя за пределы наличных политических практик:

«С одной стороны, *General Intellect* утверждается в виде автономной общественной среды, только если отрезается соединение, которое привязывает его к производству товаров и наёмному труду. С другой стороны, ниспровержение капиталистических отношений производства может проявиться только с установлением *негосударственной публичной сферы*, политического сообщества, имеющего в своей основе *General Intellect*» (с. 81).

Не слишком очевидно, как именно может формироваться эта автономная общественная среда, в чём уже можно усмотреть её проявления (если только речь не о субкультурах, сквоттинге, независимых галереях, уличных перформансах и прочих «прогрессивных практиках», имеющих статус скорее художественного жеста, чем политического действия, эскапизма, нежели попытки выхода за пределы возможного).¹⁶

¹⁵ Шевчук, указ. соч., с. 33.

¹⁶ Отсылки же автора к «бегству» американских рабочих в не занятые никем (разве что индейцами) западные земли лишь сбивают с толку, т. к. вызывают ассоциации с «голосующими ногами» многочисленными гастарбайтерами из Восточной Европы и экс-СССР. На данный момент эта мобильность рабочей силы – основное, что сдерживает волну социального взрыва в странах-аутсайдерах.

Модель «исхода» не объясняет, *каким образом* множество способно утвердить автономную общественную среду, присвоить себе обратно свою «жизненную силу» – *General Intellect*. В истории второй половины XX века есть очень сильный пример того, как такая попытка была осуществлена и трагично провалилась – речь о Чили времён Альенде, где в период с 1970 по 1973 произошёл невиданный подъём масс (множества), всплеск действительно «народного творчества» – пример народного единства¹⁷ в его множественности и неоднородности. Однако огромный потенциал этого подъёма разнообразных сил не успел себя проявить как следует, поскольку был грубо раздавлен – не в последнюю очередь здесь сыграло злую роль отсутствие способности защищать свои завоевания. На сегодня мы имеем более свежие примеры: *OCCUPY* в США и Европе, «арабская весна» в Тунисе и Египте. Если в первом случае «внеполитический» карнавал «множества» был разогнан силовыми методами, а также быстро сам себя исчерпал, то в случае Туниса и Египта ценой больших жертв удалось отстоять победу. Но тем печальнее оказался результат: в отсутствие единых целей и сплочённой организации разрозненное «множество» проиграло радикальным мусульманским формированиям с определённой структурой и идеологией.

Поэтому пока на улицах Сантьяго, Стамбула, Анкары, Каира, Мехико и т. д. проливается кровь и людей травят газом, можно сказать, что борьба за «автономию», за «невозможное» ничем не похожа на модель исхода, предложенную Паоло Вирно. Чтобы «требовать невозможного» и выйти за рамки системы, необходимо сломать саму систему – иначе она очень быстро пресечёт любые попытки выйти за её пределы. А что касается революционного субъекта, то он не возникнет иначе, чем в процессе такой борьбы, путём поиска «радикально нового социального, политического, организационного и экономического мировоззрения»¹⁸, новых организационных форм, через неизбежные на этом пути ошибки.

¹⁷ «Народное единство» (исп. *Unidad Popular*) – коалиция левых и левоцентристских политических партий и организаций в Чили, которые поддерживали кандидатуру Сальвадора Альенде на выборах президента в 1970 году.

¹⁸ Вильямс А., Шрничек Н. *Акселерационистский манифест* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://liva.com.ua/manifesto-accelerate.html>.